

НЕЖНЫЙ НАДРЕЗ

ВАНЕССА СИНКЛЭР, ДОКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Аннотация: В данном очерке, психоаналитик Д-р Ванесса Синклэр изучает тематику материнства, мастурбации, властных отношений и заботы друг о друге. Она демонстрирует, как преобладание одного, подчинение другого и позиция наблюдателя со стороны выступают неотъемлемой частью любых взаимоотношений, даже в самом нежном возрасте. А роль психоаналитика, таким образом, заключается в создании пространства для осуществления этой реальности у пациента — который глубоко переживает нежность и боль, присущие любым близким отношениям.

В отношениях с людьми, какими бы нежными они нам ни казались, всегда присутствует элемент преобладания одного и подчинения другого. В отношениях всегда наблюдается властная динамика. Она неизбежна, и берет свое начало от самой первой любви и привязанности в жизни каждого – от его отношений с матерью/другим родителем.

Власть одного над другим – неотъемлемая черта той самой первой связи, которая была в нашей жизни. Нам может хотеться помнить как исключительно нежные эти отношения с матерью/другим родителем или же с тем, кто за нами ухаживал с рождения. Ведь этот родитель или воспитатель любили нас всецело и безусловно. Но реальность такова, что он/она обладали тогда подавляющей властью нами распоряжаться. Он/она были для нас всемогущими и вездесущими людьми. С другой же стороны, ребенок тоже обладает гигантской властью над матерью/другим родителем. Младенец может казаться беспомощным физически, но он обязательно осуществляет психологический контроль над матерью/другим родителем или же над тем, кто его воспитывает у себя дома. Мы можем, конечно, питать себя иллюзиями, будто та самая первая привязанность в нашей жизни была блаженным симбиозом двоих. Однако же, любые участники пары «ребенок-взрослый» уже с самого начала вступают в борьбу между собой за главенство.

В своем исследовании «Любовь во время одиночества» (Love in a Time of Loneliness), психоаналитик Пол Верхэйг (Paul Verhaeghe) отмечает «три основные характеристики подобной связи: во-первых, эта форма любви всеобъемлюща и потому исключает всех остальных. Во-вторых, уже с самого начала ясно, что эта любовь не сможет длиться вечно, в результате чего возникает ощущение потери – в свою очередь, вызывающее страсть. В-третьих же, такая любовь всегда характеризуется властью одного над другим». Таким образом, невозможно полностью понять динамику всех последующих отношений в жизни человека, не разобравшись, в первую очередь, в особенностях этой самой первой и основополагающей связи — младенца с родителем.

В силу упомянутых характеристик, воображаемая нами идиллия взаимной привязанности младенца и родителя может подчас обернуться самой что ни на есть болезненной зависимостью для обоих. Ведь каждый требует от другой стороны быть для него буквально «всем на свете», и так между ними разворачивается упорная борьба за власть – иногда, вплоть до самой гибели. В

отношениях подобного рода, участники пары «младенец-родитель» будто бы отображают себя в зеркале. В таких симметричных взаимоотношениях, разногласия и недостатки всегда неизбежны, но их никто не собирается терпеть.

Такого рода «зеркальные» взаимоотношения зачастую принимаются за высочайшее проявление любви. Младенец и родитель как бы считают друг друга воплощением своей идеальной фантазии – и пытаются затем воссоздавать ее, уже в своих романтических связях всей дальнейшей жизни. Когда влюбленный говорит своей возлюбленной известную фразу «ты дополняешь меня, делаешь целым», это способно вызвать замирание сердца очень у многих слушающих. Такое вот «дополняющее» понимание любви пронизывает всю нашу культуру – взять, например, ранний пример из Аристофана, с его знаменитой речью, процитированной в «Симпозиуме» Платона.

О счастливом слиянии двух любящих душ, которые дополняют друг друга до совершенства, часто мечтают и пишут. Однако, такое слияние способно вызывать опасения и даже ужас. Как замечает исследователь Жак Лакан (Jacques Lacan), беспокойство возникает не от разделения пары, как обычно считается, а от слишком близкого присутствия нашего объекта любви. Когда индивидуум

[artwork caption]

не может укрыться от объекта своей влюбленности, для него возникает имманентная угроза быть поглощенным. Вплоть до потери своего самоощущения, стирания личной субъективности, и даже гибели личности. Каждому из нас необходимо пространство для себя самого. Таким же образом, там необходимо пространство, отделяющее нас от других. Мы просто обязаны обособиться и отстоять свою самость, чтобы найти и сохранить нашу субъективную сущность личности. Для этого необходимо избегать вышеупомянутой «зеркальной» взаимосвязи с родителем, которую мы так часто себе представляем.

В классической теории Фрейда, изначальное отделение ребенка от первородной связи происходит путем вмешательства со стороны отца. Я предпочитаю вместо «отца» вести речь о некоем Третьем лице, ведь эта разделяющая роль может исполняться личностью любого пола. Переосмысление Фрейда, которое предложил Лакан, соотносит фигуру отца (или то самое Третье лицо) с понятиями языка и Закона. Самое главное здесь – это провести воображаемый надрез в этих «зеркальных» взаимоотношениях младенца с матерью/другим родителем, создавая тем самым пространственную дистанцию для всех участников этих отношений.

Такой психологический надрез может вызывать ощущения потери или разлуки, что чревато страданиями для всех участников ситуации. Но этот же надрез создает достаточное пространство для выражения страсти. Благодаря ей, каждый сможет жить своими субъективными устремлениями — вместо того, чтобы подчиняться назойливому требованию постоянно удовлетворять нужды другого, пусть близкого человека. Такой вот надрез в отношениях освобождает личное движение и позволяет метонимический перенос. Надрезом создается пространство, необходимое для игры, творчества и изобретения.

Такую метонимию впервые проиллюстрировал Фрейд в работе «*A Child Is Being Beaten: A Contribution to the Study of the Origin of Sexual Perversions*» (1919). Используя заметки из своего клинического опыта, Фрейд описывает сцены, взятые из детских фантазий, связанных с мастурбацией. Ими иллюстрируются и определяются роли, которые каждый из нас может играть по отношению к другому человеку, будь то в сексуальном или в любом другом плане. Каждая личность, вступающая в отношения с другими, также способна принять на себя и роль этого другого человека. Таким образом, будь то взаимопоставленные пары типа «мать/другой (родитель) – ребенок», «преобладание — подчинение» или же «сам — — другой», оба эти участника пары могут хотя бы частично взять на себя роль как властную, так и роль подчиненную.

Кроме того, как показывает Фрейд, даже в таких отношениях двоих, присутствует всегда и роль третьего лица — то есть очевидца, наблюдающего за происходящим. Когда мы выполняем некое действие, сексуальное или любое другое, мы способны как бы взглянуть на себя со стороны. То есть, мы наблюдаем происходящее с точки зрения кого-то другого присутствующего в комнате, или же с точки зрения другого лица, чьи взгляды мы глубоко усвоили. Такая вот позиция наблюдателя может вызывать приятные эмоции, или же осуждение (или то, и другое вместе). Так или иначе, наблюдатель здесь присутствует. Этот другой всегда находится в той же комнате, что и мы — даже если речь идет только о нашем воображении.

Такие разнообразные роли разыгрываются, даже когда участник действия всего лишь один. В случае мастурбации, то есть сексуальной связи с самим собой, и со своим собственным телом, можно выделить как минимум три ролевые позиции. Есть тот, кто осуществляет сексуальный акт, а также тот, кто его получает, но есть еще и сторонний наблюдатель. Некто наблюдает за собой в момент осуществления сексуального действия над самим собой же — что можно считать формой избиения. Половой орган как бы избивают, что может доставлять удовольствие, будучи при этом формой агрессии. Такой участник занимает в итоге все ролевые позиции — преобладающую, подчиненную и также наблюдательскую.

Таким образом, неважно, какую именно позицию человек занимает по отношению к себе или другому. Есть возможность одновременно принимать на себя позицию другой стороны, тем самым отождествляя себя с обеими (точнее, со всеми) существующими ролями, в одно и то же время. Происходит одновременно и вуайеризм, и эксгибиционизм, ведь человек как выставляет себя напоказ, так и сам наблюдает — становясь объектом подглядывания, но при этом являясь и очевидцем показанного действия. Именно таким способом и отражаются сексуальные отношения между партнерами, по тройственной схеме «сам — другой — очевидец». Ее разновидности — это или «мать/другой (родитель) – ребенок – отец», или же «сам — другой – третье лицо». Наличие третьей роли и позволяет здесь метонимический перенос.

Психоанализ отличается от психологии именно тем, что психоаналитик пытается создавать свободное пространство, необходимое для пациента. В нем пациенту можно будет исследовать, играть, придумывать, и вообще находить способы наполнить содержанием свою субъективность. По существу, необходимым здесь является отделяющий надрез, который и создает нужный промежуток. Обыкновенный психолог или же психотерапевт могут и дальше пытаться сфокусировать внимание на определенной ролевой позиции в отношениях (в психоанализе согласно Лакану, такое часто именуется «субъект, обязанный знать»).

В противоположность этому негибкому подходу, психоаналитик предпринимает все усилия, чтобы не угодить в ловушку, созданную последовательным анализом динамики отношений, которую

пациент демонстрирует. Вместо этого, аналитик постоянно напоминает себе, что пациент на деле выстраивает отношения с самим собой – а также со всеми другими лицами, объектами, и самоидентичностью разных людей, которую он/она глубоко усвоили в течение своей жизни. Рабочая позиция для психоаналитика – это не воплощать подобную динамику отношений у пациента. Ведь ее неизбежно воплотят друзья, члены семьи и любовные партнеры, с которыми пациент сталкивается в течение всей своей жизни.

Вместо этого, психоаналитик обязан обозначить и сохранить пространство для пациента, чтобы в нем он/она смогли бы яснее увидеть все модели своих отношений и динамику переноса ролей. Таким образом, можно проработать и принять все разные способы воплощения и повторного разыгрывания всех сцен и ситуаций, пережитых в детстве. Эти повторяющиеся переживания из детства иногда могут идти на пользу, но чаще всего идут пациенту во вред. Да, пациент может воспринимать такой подход аналитика, как чересчур холодный и иногда бездушный, поскольку совет и утешение он не предоставляет. Но таким вот образом, сохранение дистанции для трезвой аналитической позиции будет на деле для пациента высшим проявлением нежности.

Freud, Sigmund. «'A Child Is Being Beaten': A Contribution to the Study of the Origin of Sexual Perversions.» *SE XVII*, Hogarth Press, 1919, pp. 175-204.

Lacan, Jacques. *The Seminar of Jacques Lacan Book X: Anxiety*. Translated by A.R. Price, Polity Press, 2014.

Verhaeghe, Paul. *Love in a Time of Loneliness: Three Essays on Drive and Desire*. Karnac, 1999.

Vanessa Sinclair, Psy.D. is a psychoanalyst based in Sweden who sees analysands internationally. Dr. Sinclair is a Senior Research Fellow at Global Centre for Advanced Studies (GCAS), as well as the host of *Rendering Unconscious* Podcast. Her books include *The Pathways of the Heart* (Trapart Books, 2021), *Scansion in Psychoanalysis and Art: the Cut in Creation* (Routledge, 2020), *Rendering Unconscious: Psychoanalytic Perspectives, Politics & Poetry* (Trapart Books, 2019), *Outsider Inpatient: Reflections on Art as Therapy* (Trapart Books, 2021) with Elisabeth Punzi, *On Psychoanalysis and Violence: Contemporary Lacanian Perspectives* (Routledge, 2018) with Manya Steinkoler, and *The Fenris Wolf, vol. 9* (Trapart Books, 2017) with Carl Abrahamsson.

Nick Portugal (translator) believes that each individual lives as many lives as they speak languages. In addition to his native Russian, he has been fortunate to travel the world and dedicate some years to exploring Mandarin, English and most recently French. Based in Toronto, Nick enjoys occasionally going back to his earliest career as a translator, to try and create textual links among these cultures.

Sophie Hoyle is an artist and writer whose work relates personal experiences of being queer, non-binary, disabled and part of the MENA (Middle East and North Africa) diaspora to wider forms of structural violence. From lived experience of chronic health conditions including trauma, or Post-Traumatic Stress Disorder, they began to explore the politics of healthcare and history of biomedical technologies, which often overlaps with the histories of state and military surveillance and control.

The artwork shown here is a still of the full work shown at stillpointmag.org.

© Copyright for all texts published in *Stillpoint Magazine* are held by the authors thereof, and for all visual artworks by the visual artists thereof, effective from the year of publication. *Stillpoint Magazine* holds copyright to all additional images, branding, design and supplementary texts across stillpointmag.org as well as in additional social media profiles, digital platforms and print materials. All rights reserved.